

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 2

Выходить еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 8-го января 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 Г. СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“, СОДЕРЖАЩИХЪ: ПЕРВЫЕ 10 КНИГЪ ПОЛН. СОБР. СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
И. И. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія дачи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи.

8 р.

За
границу **12 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми приложеніями, —еще ПЕРВЫЕ 20 книгъ соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, приложенныя въ 1904 г.: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ СПБ.—9 р.; въ Москвѣ у Н. Печковской—10 р.; 3) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образование“—10 р. 25 к. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ СПБ.—10 р. 50 к. СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ—11 р. За границу 15 руб.

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

Нина Сергѣевна овдовѣла лѣтъ тридцать тому назадъ. Оставшись послѣ мужа молодой и очень красивой вдовой, сразу отказалась отъ всякихъ забавъ и прелестей суетнаго міра и вся отдалась своему большому хозяйству, да воспитанію сынка Костеньки, оставшагося послѣ отца на третьемъ году своей жизни.

Были у Нины Сергѣевны и женихи, но сердце ея осталось исканіемъ ихъ недоступно. Въжливо, но холодно отказывала она имъ, ссылаясь на то, что ей теперь не о себѣ, а о сынѣ надо думать.

Хозяйство

Мечты и звуки. Рис. К. Саккаджи, авт. «Нивы».

она свое вела такъ образцово, что не только не расточила его, но наоборотъ, значительно приумножила. И въ то время, когда кругомъ то и дѣло разорялись ея сосѣди, имѣніе Воротниковыхъ все округлялось и округлялось. Къ Большимъ Воротникамъ были прикуплены и Малые Воротники, а къ Малымъ ужъ какъ-то сами пристегивались разные хутора да пустоши. И ко времени окончанія курса Костей Воротниковымъ въ одномъ изъ высшихъ земледѣльческихъ училищъ въ Россіи, онъ могъ считаться уже

въ числѣ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ своей губерніи.

Воспитаніемъ своего сына Нина Сергѣевна была тоже вполне довольна. И онъ росъ настоящимъ хозяиномъ. И никакихъ слабостей за нимъ не водилось; къ матери былъ почтителенъ; ни въ карты не игралъ, ни вина не пилъ, ни табаку не курилъ. Одна только сухота была по отношенію къ сыну въ сердцѣ у Нины Сергѣевны, но о ней мы скажемъ послѣ.

Итакъ, сидитъ Нина Сергѣевна надъ большой конторской книгой да счета провѣряетъ. И все-то ей кажется, что управляющій въ Малыхъ Воротникахъ ее обкрадываетъ. Но гдѣ и въ чемъ—никакъ она его поймать не можетъ.

«Бѣда съ этими заглазными имѣніями»,—думаетъ Нина Сергѣевна, провѣряя каждую копеечку.

А въ домѣ все тихо. Только звуки, которыми живетъ большой барскій дворъ, вторгаются въ раскрытыя настежь окна. Но вотъ и въ домѣ гдѣ-то дверь хлопнула, по столовой быстро протопотали чьи-то легкіе шаги, и до чуткаго уха Нины Сергѣевны донесся обрывокъ веселой пѣсенки. Потомъ опять шаги, и опять дверь хлопнула, и опять все стихло.

Барыня поморщилась.

«Ей ладно! Небось, ей весело! На всемъ-то, на готовенькомъ!»—почему-то подумала Нина Сергѣевна и снова углубилась въ свою большую конторскую книгу.

Выше мы сказали, что только четвероногимъ да пернатымъ хорошо жилось въ имѣніи Воротниковыхъ. Но тогда мы упустили изъ виду, что было одно и двуногое существо, которому въ Большихъ Воротникахъ, какъ казалось, грѣхъ было на жизнь пожаловаться. Существо это было—горничная Дуня или «Толстый духъ», какъ прозвала ее уѣздный докторъ Юрій Андреевичъ Лыкошинъ.

Дуня третій годъ уже жила въ домѣ Воротниковыхъ, а поступила она къ нимъ всего на семнадцатомъ году, стало-быть, теперь ей шелъ двадцатый. Привезла ее Нина Сергѣевна изъ губернскаго города, маленькой, бѣлокурой дѣвушкой, съ веселымъ, миловиднымъ личикомъ, съ бойкими сѣрыми глазками и задорно приподнятымъ носикомъ. Была она дочерью пароходнаго официанта. Знала грамотѣ и отличалась неизмѣнно прекраснымъ расположеніемъ духа. На жизнь глядѣла весело и просто, ничего не боялась; не испугалась и строгой воротниковской барыни. И благодаря этому или ужъ какимъ другимъ причинамъ, но сразу заняла въ домѣ особое, привилегированное положеніе.

Кормилась она съ господскаго стола, работы у нея большой не было—только домъ прибрать, да на столъ подать, да и то ей въ этой Маринка съ Аниськой помогали. И никто на нее никогда не ворчалъ, всѣ-то ею были довольны, и пошла Дуня добрѣть, да округляться и къ концу третьяго года пребыванія своего въ Воротникахъ превратилась въ такой круглый шарикъ, что докторъ Лыкошинъ, часто заѣзжавшій въ гости къ Константину Федоровичу, смотрѣлъ разъ на нее, смотрѣлъ, да и прозвалъ «толстымъ духомъ», а съ его легкой руки такъ это прозвище за Дуней и укоренилось.

На пользу шла жизнь дуниному здоровью. Только миловидность личика ея немного пострадала: очень ужъ оно кругло да красно стало, да и веселые глазки жиркомъ заплывать начали.

Но какъ бы то ни было, а Дуня была всеобщей любимицей и одна только она поддерживала веселое настроеніе въ этомъ скучномъ, дѣловитомъ домѣ.

III.

Къ обѣду, то-есть къ двѣнадцати часамъ дня, вернулся съ поля Константинъ Федоровичъ. Сначала онъ прошелъ прямо въ свою комнату, умылся тамъ, отряхнулъ самъ съ блузы пыль щеточкой, причесалъ бѣлокурые волосы на головѣ и тогда только вышелъ въ столовую.

Нина Сергѣевна была уже тамъ и ждала сына, сидя за круглымъ обѣденнымъ столомъ.

— Ты что-то сегодня пасмуренъ?—сказала она, замѣчая хмурое выраженіе на лицѣ Костеньки.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, только рѣзко отодвинувъ стулъ, сѣлъ на свое мѣсто къ столу.

— Какъ въ полѣ?—спросила опять Нина Сергѣевна, послѣ небольшой паузы.

— Ничего, все въ порядкѣ,—отрывисто отвѣтилъ сынъ, принимаясь за жиденькій и невкусный супъ.

— Такъ чего-жъ ты хмуришься-то?—стараясь мягко улыбаться, любопытствовала мать.

Константинъ Федоровичъ молчалъ. Онъ и самъ не зналъ, что отвѣтить; не зналъ, на что онъ, въ самомъ дѣлѣ, дулся-то. Нехорошо у него просто на сердцѣ было, а отчего нехорошо—кто разберетъ. Выѣхалъ въ поле онъ веселый, и все его радовало. И вдругъ какъ-то, словно весь міръ затуманился передъ нимъ. И случилось это сейчасъ же послѣ встрѣчи съ Тополевымъ: проѣхалъ тотъ веселый, жизнерадостный, бокъ о бокъ съ молоденькой и хорошенькой женой, и Воротникову вдругъ скучно стало. Слово онъ чужому счастью позавидовалъ. Да, можетъ, и дѣйствительно позавидовалъ, да только сознаться въ этомъ даже самому себѣ не рѣшается. А маменька лѣзетъ съ вопросами: отчего не веселъ, да отчего задумался? Ну, какъ ей отвѣтишь, когда она, можетъ-быть, сама-то и есть главная виновница того, что у него своего такого счастья нѣтъ.

Бдучи обратно домой, Константинъ Федоровичъ все невольно вспоминалъ о тѣхъ неудачныхъ попыткахъ, которыя онъ дѣлалъ, чтобы обзавестись своей семьей. О тѣхъ барышняхъ, въ которыхъ, какъ казалось ему, онъ влюбленъ былъ, и о тѣхъ всегда неудачныхъ развязкахъ каждаго его сватовства. И вездѣ виновницей этихъ неудач неизмѣнно являлась—маменька.

Словъ нѣтъ, любить она его, всю жизнь ему посвятила, отъ личнаго счастья отказалась. Съ молодыхъ лѣтъ въ своей усадьбѣ, какъ въ монастырѣ, замкнулась, все хозяйство его привела въ порядокъ, можно сказать, обогатила его. И на образование его ничего не жалѣла. Мечтала, нерѣдко даже говорила, что ждетъ не дожидется той радости, когда ей внучковъ да внучекъ понявничать придется, и все какъ-будто невѣсту ему присматриваетъ. Но стоитъ только Костенькѣ какой-нибудь барышней увлечься и въ серьезъ, то-есть къ женитбѣ дѣло повести, маменьку ужъ и узнать нельзя: откуда что берется! Такія вещи начнетъ ему про его избранницу наговаривать, что только уши вянутъ. И все это такъ доказательно, такъ убѣдительно, что волей-неволей вѣру дашь. Ну, а если Костенька, наученный опытомъ, маменькины слова мимо ушей пускать начнетъ, такъ она и тогда не уймется. Къ невѣстиной роднѣ заѣбжитъ и тамъ что-то такого намушукаетъ, что, смотришь, жениху-то и поворотъ отъ воротъ.

Выведенный изъ терѣнія, сталъ Костенька даже на хитрости пускаться. Уѣхалъ разъ онъ въ Москву по дѣлу, а тамъ, вмѣсто дѣла, себѣ наскоро невѣсту сосваталъ. Все было уже налажено, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ идти, и вдругъ—шашть—маменька! Прискакала въ Москву, какъ снѣгъ на голову, и такая веселая, такая радостная! И словно впрямъ сыновнимъ выборомъ довольна. И невѣсту хвалить, и семью ея не осуждаетъ. Костенька даже диву дался и непомѣрно возрадовался. Только радость его была преждевременна.

Наканунѣ самой свадьбы прислали ему вѣжливенькій отказъ, а невѣсту подальше куда-то въ Крымъ увезли.

Вѣчно тихій и скромный, Костенька даже въ неистовство впалъ: ногами топалъ, волосы на себѣ рвалъ и все грозился, что онъ зашьетъ.

Но маменька угрозъ этихъ не боялась. Хорошо она знала своего милаго мальчика и вполне была убѣждена, что въ исполненіе страшной угрозы своей онъ не приведетъ.

Дѣйствительно, не привелъ. А недѣлки черезъ двѣ поуспокоился и вмѣстѣ съ маменькой въ Большіе Воротики обратно поѣхалъ и уже по дорогѣ маменька нашептывать принялась:

— И слава Богу, Костенька, что все это разстроилось,—говорила она.—Узнала я про нихъ сторонкою, что вся ихъ родня больная! Двое дядей невѣсты въ сумасшедшемъ домѣ умерли! Да и невѣста-то сама припадочная. Вѣрно, съ рукъ сойти хотѣли, да совѣсть зазрела.

И Костенька повѣрилъ, и самъ сталъ уже говорить, что считаетъ преступнымъ плодить больныхъ дѣтей.

Вотъ тогда же, по дорогѣ, въ Нижнемъ, Нина Сергѣевна и Дуняшу къ себѣ въ домъ взяла.

Съ этого сватовства Константинъ Федоровичъ почти три года о женитбѣ ничего не говорилъ, да и не думалъ, кажется. И Нина Сергѣевна совсѣмъ-было уже успокоилась.

И вотъ вдругъ—опять. Проѣхалъ этотъ Тополевъ съ молодой женой, и воскресли бывлыя мечты въ душѣ у Константина Федоровича.

— Что это? Опять телятина съ изюмнымъ соусомъ?—раздраженно заговорилъ онъ, глядя на поданное Дуняшей блюдо.—И вчера—телятина, и третьяго дня—телятина! Каждый день телятина!

— Что же дѣлать, Костенька! Самъ знаешь, въ деревнѣ-то разносоловъ не наберешься,—нѣсколько обиженнымъ голосомъ отозвалась Нина Сергѣевна.

Но Константинъ Федоровичъ уже удила закусилъ. Что-нибудь неприятное, что-нибудь жестокое хотѣлось ему на этотъ разъ сказать матери. И онъ, наморщивъ лобъ, но стараясь быть спокойнымъ, началъ:

— Да вотъ кстати, маменька! Люди очень жалуются на пищу. Говорятъ, ѣсть ничего нельзя.

Онъ зналъ, что затронулъ самый большой вопросъ для Нины Сергѣевны, и теперь не безъ удовольствія наблюдалъ, какъ лицо ея покрывается красными пятнами.

— Да и дѣйствительно они правы,—продолжалъ онъ:—мы и сами-то ѣдимъ Богъ знаетъ что! А ужъ людей прямо хуже собакъ кормимъ! Сейчасъ ѣхалъ я мимо рѣчки, смотрю—Арина какую-то падалъ моетъ. Спрашиваю: что это такое? «А, говоритъ, барыня приказала солонину освѣжить». А чего-тамъ освѣжать, когда сплошь черви ползаютъ. Ну, я и велѣлъ...

— Что велѣлъ?—шопотомъ спросила Нина Сергѣевна.

— Да велѣлъ всю эту солонину въ рѣчку выбросить! Пусть раки за наше здоровье съѣдятъ.

Ложка, которой маменька ѣла ужъ кисель, вывалилась у нея изъ рукъ и звякнула о тарелку, а сама маменька быстро встала изъ-за стола и, не говоря ни слова, прошла въ свою комнату.

Костенька былъ доволенъ. Онъ не безъ наслажденія выпилъ два стакана холоднаго молока, отеръ губы салфеткой и тоже всталъ изъ-за стола.

— Огорчили маменьку-то?—дукаво улыбаясь, замѣтила ему вертѣвшаяся тутъ же Дуняша.

— Молчи, толстый духъ!—уже совсѣмъ весело сказалъ Константинъ Федоровичъ и, слегка шелкнувъ молодую дѣвушку по ея задорному носику, пошелъ въ свою комнату, чтобы вздремнуть часокъ-другой.

Вечеромъ, за чаемъ, маменька все дулась, и Константинъ Федоровичу ее даже жалъ стало. И онъ, чтобы замаять чѣмъ-нибудь неприятное впечатлѣніе, оставшееся отъ обѣда, перевелъ разговоръ съ хозяйственныхъ темъ на общежитійскія.

— Тополевъ вернулся,—сообщилъ онъ.

Маменька молчала.

— Встрѣтилъ я его сегодня утромъ. Къ себѣ въ Пайну съ молодой женой ѣдетъ. Такая хорошенькая, просто прелесть!

«А! Вотъ оно что! Вотъ оно откуда подул!»—сообщила сейчасъ же Нина Сергѣевна, и лицо ея приняло крайне озабоченное выраженіе.

А когда Константинъ Федоровичъ сказалъ, что онъ

завтра намѣревается въ гости къ Топодевымъ съѣздить, Нина Сергѣевна не успѣла даже подавить вырвавшегося у нея глубокаго вздоха.

IV.

На утро Константину Федоровичу подали легонькій кабриолетъ, запряженный рослымъ воронымъ конемъ, и молодой помѣщикъ, одѣтый по-праздничному—день былъ воскресный—т. е. не въ блузу, а въ свѣтлый пиджачный костюмъ, вышелъ на крыльцо.

Слѣдомъ за нимъ вышла и маменька.

— Въ Пайну ѣдешь?—какъ-то ужъ очень просто спросила она сына.

— Въ Пайну!—также ужъ очень просто отвѣтилъ тотъ.

Но въ этой простотѣ и для нея, и для него слышалось нѣчто скрытое. Костя замѣчалъ, что маменька волнуется, а маменька чувствовала, что сыночекъ ее дразнитъ.

— Другъ мой, Костенька!—заговорила она, взглянувъ на лошадь и всплеснувъ даже руками.—Что это ты надумалъ? Ты никакъ на Визирѣ одинъ ѣхать хочешь?

— Ну, такъ что-жъ?—не понялъ тотъ.

— Да, вѣдь, Визирь—самъ знаешь, какая лошадь! Разобьетъ онъ тебя, мой ангелъ!

Константинъ Федоровичъ только улыбнулся.

— Возьмь бы ты хоть Андриюшку съ собой!—продолжала маменька, указывая на молодого конюха, державшаго Визиря подъ уздцы.

— Ну, полноте, маменька! Не говорите, пожалуйста, пустяковъ! Что я ребенокъ, что ли, въ самомъ дѣлѣ! Меня, видите, Визирь разобьетъ, а Андриюшку нѣтъ. Да я этого самаго Андриюшку на одной ладони поднимаю.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! Ну, поднимаешь! Ну, и надорвешься какъ-нибудь!—уже совсѣмъ закудахтала Нина Сергѣевна.

И такъ это у нея смѣшно вышло, что не только Константинъ Федоровичъ и вертѣвшаяся за спиной барыня Дуняша разсмѣялись но и конюхъ Андриюшка не стерпѣлъ и приснулъ со смѣху.

Нина Сергѣевна совсѣмъ обозлилась.

— Ты что это зубы скалишь?—накинулась она на конюха.—Вотъ погоди, мошенникъ, я тебѣ покажу, какъ смѣяться.

— Оставьте его, маменька!—остановилъ ее Константинъ Федоровичъ.—Онъ и по натурѣ смѣшливъ, ну, а когда вы меня за ребеночка принимаете, такъ тутъ и мертвый расхохочется. А пока что—до свиданья!

И онъ, наклонившись, поцѣловалъ у матери руку.

— На весь день?—уже грустнымъ голосомъ спросила Нина Сергѣевна.

— Да, до вечера,—подтвердилъ Костенька.

И легко вскочивъ въ кабриолетъ, взялъ вожжи въ руки.

Застоявшійся и перекормленный Визирь не сразу тронулся съ мѣста. Онъ сначала немного потоптался у крыльца, какъ бы рѣшая, съ которой ноги начать, и потомъ вдругъ сильно рванулъ впередъ. Но почувствовалъ крѣпкую руку своего барина, оправился и пошелъ ровной, машистой рысью.

Богатыя поля,—воротниковскія,—тянулись по краямъ дороги, по которой ѣхалъ теперь Константинъ Федоровичъ, почти съ восторгомъ посматривавшій на буйные хлѣба, удивившіяся у него въ этомъ году. Хозяйственные ображенія роились въ головѣ молодого барина. Солідные итоги предвидѣлъ онъ въ перспективѣ. Радовалось его хозяйское сердце.

И эти веселыя картины заставляли его забывать и домашнія неприятности, и вѣчныя недоразумѣнія съ маменькой по поводу продовольствія работниковъ, державшейся по отношенію къ нимъ системы тургеневскаго Ермолая. Тотъ говорилъ, глядя на свою Валетку, что «несъ самъ для себя промышлять», а эта, глядя на работниковъ, думала то же самое. Но Валетка, дѣйствительно, что-то тамъ такое себѣ промышлялъ, у воротниковскихъ же батраковъ съ барыниныхъ харчей то и

Тихий вечеръ. Рис. Д. Павлова, арт. «Нивы».

Возвращение императора Александра III с охоты. Картина Р. Френца, арт. «Нивы».

дѣло животы подводило. И ждали они съ нетерпѣніемъ всегда той счастливой минуты, когда молодой баринъ съ мамашей поссорится. Тогда у нихъ хоть на недѣлку, да харчи поправлялись. Но ссоры бывали рѣдко, примиреніе обыкновенно наступало быстро, а дѣлать было нечего или, вѣрнѣе, идти некуда—и, волей-неволей, у Воротниковыхъ работаешь. У нихъ, по крайности, хоть расчетъ вѣрный.

И молили эти батраки Бога, чтобъ молодой баринъ да женился поскорѣй, почему-то свято уповав, что стоитъ молодой хозяйкѣ въ домѣ завестись, какъ сейчасъ же она старуху отстранить, и все пойдетъ по ладному, да по хорошему.

Мечталъ объ этомъ же и Константинъ Федоровичъ, да ничего ни изъ батрачьихъ молитвъ, ни изъ барскихъ мечтаній путнаго не выходило. Продолжала властно править людьми Нина Сергѣевна, продовольствуя ихъ по вышерѣченной Ермолаевой системѣ.

Версть шесть ѣхалъ Константинъ Федоровичъ своими землями и вдругъ картина сразу и круто измѣнилась. Слово въ другую страну попали. Сразу захирѣли хлѣба и земля потеряла свой прекрасный, культурный видъ. Это начались владѣнія другихъ помѣщиковъ, да пошли крестьянскія земли.

Измѣнилось понемногу и настроеніе духа Константина Федоровича. Сначала онъ, поглядывая на чужіе хлѣба, какъ-будто немного и радовался, что вотъ, дескать, у него все хорошо, а у другихъ все скверно, но потомъ, понемногу онъ этихъ, другихъ, жалѣть началъ, а дальше ему и самого себя жалко стало: всего-то вотъ у него много, все-то вотъ у него хорошо, а къ чему онъ все это копить, кого онъ этимъ порадуешь? Нѣтъ у него ни жены, ни дѣтей, одна маменька! Да вѣдь и та не вѣкъ жить будетъ.

А тутъ еще вдали засинѣлъ большой тополевыскій паркъ, и на крутомъ берегу рѣки Уры красиво раскинулась веселая Пайна. Солнце играло на золоченомъ куполѣ богатаго сельскаго храма. А изъ-за поворота и бѣлый каменный барскій домъ выглянулъ.

Весело когда-то жилось здѣсь старымъ помѣщикамъ, въ тѣ времена, когда Воротниковы еще въ захудалыхъ считались, а Тополевы на всю губернію гремѣли. Тогда дѣдушка Константинъ Федоровича къ дѣду нынѣшняго пайнскаго помѣщика чуть ли не на поклонъ ѣздилъ. Много времени съ тѣхъ поръ прошло, и многое круто измѣнилось.

Теперь богачъ Воротниковъ ѣдетъ въ гости къ товарищу своего дѣтства Николаю Васильевичу, зная, что у того все заложено и перезаложено, тогда какъ у него, Воротникова, денегъ куры не клюютъ.

Ѣдетъ онъ къ этому Тополеву, который у него нѣдко не по тысячамъ, а по сотнямъ даже на скорую руку въ долгъ перехватываетъ, да съ большимъ трудомъ и всегда неаккуратно долги эти выплачиваетъ. Сужаешь Константинъ Федоровичъ своего друга, конечно, всегда безъ процентовъ, а потому всегда тихонько отъ маменьки; потому что Нина Сергѣевна безъ процентовъ и рубля никому не дастъ.

Ѣдетъ богачъ къ бѣдняку, но знаетъ онъ, что бѣднякъ этотъ живетъ и шире, и краше его, богача. И не можетъ рѣшить Константинъ Федоровичъ—хорошо эти или худо. Съ одной стороны, какъ-будто и худо, или вѣрнѣе, глупо, потому что не глупо ли, въ самомъ дѣлѣ, деньги на разные пустяки мотать; а съ другой стороны, на что же можно и тратить деньги съ удовольствіемъ, какъ не на пустяки.

Вѣдь, вотъ онъ дома одной телятиной съ изюмомъ питается, а у Тополевыхъ разные, какъ выражается маменька, разносолы всегда наготовлены. Но, вѣдь, и на телятинѣ онъ живъ и здоровъ—это съ одной стороны; а съ другой—вотъ онъ теперь ѣдетъ и не безъ удовольствія думаетъ, что его сегодня, навѣрное, хорошимъ обѣдомъ и ужиномъ покормятъ. Но это еще что! А главное—какая про нихъ слава въ народѣ идетъ! «Первые хозяева по всей губерніи, а людей вокругъ себя голодомъ

морятъ!» И все-то это скупость маменькина! И ничего-то онъ съ этой скупостью подѣлать не можетъ, потому что слабъ онъ! А маменька—настойчива. И одно только средство есть—это жениться, да все хозяйство домашнее въ руки молодой жены передать. Но какъ жениться, когда и тутъ маменька поперекъ дороги становится.

— Да! Внуковъ-то она не прочь имѣть, а вотъ—невѣстки, то-есть другой барыни, возлѣ себя въ домѣ ни за что не потерпитъ,—и почти со злобой шепчетъ Константинъ Федоровичъ, подавая ходу ретивому Визирю, словно торопясь скорѣе до Пайны доѣхать и отъ своихъ назойливыхъ и неприятныхъ мыслей отдѣлаться.

V.

Три рослыхъ дворянки съ залихватнымъ лаемъ бросились навстрѣчу Воротникову, когда онъ на своемъ кабриолетикѣ вѣхалъ на дворъ тополевыскіи усадьбы. На этотъ лай выскочили откуда-то люди и изъ рукъ въ руки приняли воротниковскую лошадь.

— Баринъ гдѣ?—отрывисто спросилъ Константинъ Федоровичъ.

И получилъ въ отвѣтъ, что баринъ съ барыней по парку гуляютъ.

— Эхъ!—вздохнулъ про себя Константинъ Федоровичъ и подумалъ:—«Неужто я-то никогда съ моей барыней по парку гулять не буду?»

Но сейчасъ же вспомнивъ, что у нихъ въ Воротникахъ и парка-то никакого нѣтъ, сердито рѣшилъ, что въ сущности всѣ эти парки не что иное, какъ большая глушь.

А изъ парка навстрѣчу ему уже шли молодые Тополевы.

— Ну, вотъ, Костя! Ну, вотъ молодецъ, что сегодня прѣхалъ!—еще издали кричалъ ему Николай Васильевичъ.

А Лидія Александровна привѣтливо улыбалась.

Друзья дѣтства обнялись и расцѣловались. Затѣмъ, Воротниковъ какъ-то ужъ особенно неуклюже поцѣловалъ протянутую ему ручку молодой женщины, но все-таки при этомъ не упустилъ замѣтить, что ручка была бѣленькая, пухленькая и съ ямочками.

— И прѣхалъ-то какъ разъ во-время! Мы только идемъ завтракать! У насъ, вѣдь, теперь новый режимъ: мы теперь въ двѣнадцать завтракаемъ; въ шесть обѣдаемъ, а на ночь, знаешь, что-нибудь такое легонькое, молочное,—весело тараторилъ Николай Васильевичъ, подхвативъ Воротникова подъ руку.

— По-европейски,—вторила ему Лидочка.

— Да, да! По-европейски! Вѣдь, ты знаешь, мы въ январѣ вѣнчались, а послѣ вѣнца прямо въ Ниццу уѣхали, потомъ полтора мѣсяца въ Парижѣ прожили, а лѣто ужъ вотъ думаемъ здѣсь! На осень въ Италію, а зиму—въ Петербургъ.

— А хозяйствомъ-то когда же заниматься?—спросилъ ошеломленный Воротниковъ.

Но Николай Васильевичъ только расхохотался.

— Хозяйствомъ? Ну, какой я, милый другъ, хозяинъ? Что я въ вашемъ хозяйствѣ смыслю? Я и имѣніе-то думаю все въ аренду сдать. И, знаешь, даже про тебя думалъ! Вотъ, не хочешь ли? Возьми?—болталъ Николай Васильевичъ.

Но Воротниковъ нахмурился и отвѣтилъ:

— Я въ аренду ничего не беру. У меня и своего довольно.

— Ну, что дѣлать! Придется съ Слюзинымъ сойтись!—вздохнулъ Николай Васильевичъ.

— Съ Слюзинымъ?—повторилъ Константинъ Федоровичъ и какъ-то презрительно хмыкнулъ.—Этотъ тебѣ тутъ нахозайничаетъ!

— Почему? Почему ты такъ думаешь?—такъ и вѣпилъ въ него Тополевъ.

— А потому, что нѣтъ хуже, когда земля въ купеческіи руки попадетъ! И особенно—въ аренду.

Они вошли въ это время уже въ столовую, гдѣ молоденькая, видимо петербургская горничная въ чепчикѣ ставила третій приборъ.

— Это что же вы съ собой привезли?—спросилъ Воротниковъ, когда она на минуту вышла изъ комнаты.

— Да, съ собой, то-есть, не то, что съ собой, а Варя и поваръ вперёдъ насъ дня за три прѣехали,—отвѣтила за мужа Лидія Александровна.

— И поваръ изъ Петербурга?—удивился Константинъ Федоровичъ.

— А что-жь тутъ удивительнаго? Здѣсь хорошаго не найдешь!—небрежно замѣтилъ Топольевъ.

Воротниковъ не безъ удивленія поглядывалъ на изящный новый сервизъ, бывшій на столѣ, на хрустальные графины съ бѣлымъ и краснымъ виномъ, и на вазу съ фруктами. Не безъ удивленія вѣлъ онъ и обильный, прекрасно приготовленный завтракъ и все соображалъ, на какія такія деньги кутить его товарищъ. Иначе, какъ «кутежомъ» онъ не могъ назвать эту въ сущности скромную и только-только что приличную обстановку у молодоженовъ.

Какъ это было не похоже на ихъ, воротниковскую, столовую. Столъ съ заплатанной скатерью; выдѣнные серебряныя ложки; до-нельзя источенные старые ножи съ роговыми черенками; вилки съ обломанными зубцами и желтый жиденькій квасъ въ пузатомъ заткнутомъ деревянной пробкой графинѣ. Какъ эта ометка съ томатомъ и куринныя котлеты съ гарниромъ мало напоминали вѣчную телятину съ изюмнымъ соусомъ и клюквенный кисель.

А послѣ завтрака подали кофе... Кутежь, да и только!

И раздражало все это Константина Федоровича. И раздражало все это особенно потому, что не могъ онъ рѣшить—что глупѣе: жить ли при его средствахъ такъ, какъ онъ живетъ, или жить, какъ живетъ Топольевъ, не имѣя никакихъ средствъ.

— Вы всегда такой смурый?—спросила его въ концѣ завтрака Лидія Александровна.

Воротниковъ смутился. Отвѣтилъ за него Николай Васильевичъ.

— Да, Лидочка, онъ у насъ всегда букой смотреть!—сказалъ онъ, дѣлая руку у жены.—Ты еще его не знаешь! Но, въ сущности, онъ предобрый малый!

Кофе пили они на террасѣ. Топольевъ благодумствовалъ, и Воротниковъ не безъ удивленія замѣчалъ въ немъ какія-то новыя, видимо недавно пріобрѣтенныя манеры: Николай Васильевичъ небрежно растянется на качалкѣ и пускаетъ тоненькія струйки дыму хорошей сигары; то склонится къ сидящей рядомъ женѣ и примется перецѣловывать ея пухленькіе пальчики; то вдругъ порывисто вскочитъ съ мѣста и, шагая взадъ и впередъ по террасѣ, съ пафосомъ начнетъ говорить о своихъ планахъ и проектахъ. Всѣ эти планы и проекты сводились, впрочемъ, къ одному и тому же: куда они съ Лидочкой пойдутъ, что увидятъ, да и гдѣ и какъ поживутъ.

Въ мечтахъ побывалъ онъ и въ Индіи, и въ Японіи, доѣхалъ, наконецъ, и до Южной Америки, и находилъ, вѣроятно, что дальше дѣваться уже некуда, круто перемѣнилъ тонъ и спросилъ Воротникова:

— Ну, что, какъ поживаетъ наше земство?

Тотъ даже глаза вытаращилъ и почти испуганно переспросилъ:

— Это почему же такъ?

— Что «почему такъ»?—не понималъ Топольевъ.

— Да Америка, Австралія, Японія—и вдругъ, земство! Неужто тебя впрямь земство интересуесть?

Топольевъ на минуту задумался.

— То-есть, какъ тебѣ сказать?—заговорилъ онъ, потягивая сигару:—если откровенно, то—нѣтъ, не интересуесть. Земство, конечно, великая вещь, но наши земцы, oh! Je les connais bien! Это тотъ народъ, съ которымъ, какъ говорится, каша не сварится! При томъ, мой другъ, я—философъ и хочу прежде всего, чтобъ мнѣ было хорошо, а для моего благополучія никакого земства не надо. Намъ съ Лидочкой (онъ поцѣловалъ у жены руку) нужно только другъ друга. Мы вездѣ съ собой несемъ наше счастье. Такъ ли, голубка?

«Да что онъ, — соображалъ Воротниковъ: — вышло, что ли, вина много за завтракомъ. И если это такъ, то очевидно, другъ мой безмѣрно счастливъ».

— А вы, Константинъ Федоровичъ, интересуетесь земскими вопросами?—спросила вдругъ Лидочка.

— По столько, по сколько они касаются моихъ интересовъ,—откровенно сознался Воротниковъ.—Да мнѣ—некогда!—добавилъ онъ, какъ бы въ свое оправданіе.

— Да, душа моя! Это вотъ и есть русскій абсентизмъ,—заговорилъ вдругъ, опять мѣняя тонъ, Топольевъ.—Ты—крупнѣйшій здѣшній помѣщикъ, молодой интеллигентный человекъ, а къ земскому дѣлу относишься спустя рукава. Пстой! Пстой! Я знаю, что ты хочешь сказать! Ты хочешь привести мой личный примѣръ. Такъ я, мой другъ, въ данномъ случаѣ совершенно примѣромъ быть не могу. Ты—хозяинъ, да еще какой хозяинъ-то! А я въ хозяйствѣ ни бельмеса не смыслю! Ты—человѣкъ земли, я—человѣкъ города. Если-бъ я вздумалъ заниматься земскими дѣлами, я бы не пользу, а одинъ только вредъ принесъ, потому что все перепуталъ бы. Я—помѣщикъ исключительно потому, что получилъ землю въ наслѣдство, не унаслѣдовавъ—увы!—никакихъ земскихъ качествъ. Я даже увѣренъ, что купецъ Слюзинъ на моей землѣ больше толку надѣлаетъ.

— Не велика мудрость! Могъ бы и ты дѣлу выучиться, если бы захотѣлъ,—замѣтилъ Воротниковъ.

— Ну, а вотъ я именно этого-то и не хочу!

— Почему?

— Да потому, что лѣнь! Но не во мнѣ тутъ дѣло,—продолжалъ Топольевъ, напирая на Воротникова.—Но какъ ты, ты съ твоимъ опытомъ, съ твоей энергіей заправскаго хозяина, можешь равнодушно относиться къ святому земскому дѣлу, не бороться съ корыстью и невѣжествомъ—вотъ этого я понять не могу.

— Пстой,—остановилъ его Константинъ Федоровичъ:—да кто-жь тебѣ сказалъ, что я не занимаюсь земскимъ дѣломъ? Да я имъ только и занимаюсь, съ утра до ночи, не покладая рукъ!

— То-есть, какъ это?—переспросилъ Топольевъ.

— Да очень просто. Я занимаюсь моимъ хозяйствомъ, а развѣ это не земское дѣло?

Николай Васильевичъ помолчалъ немного и потомъ снова заговорилъ, мягко улыбаясь:

— Милый Костя! Я тебя знаю не со вчерашняго дня. Мы съ тобой, голубчикъ, на одной скамейкѣ въ гимназіи сидѣли, и знаю, что ты всегда былъ охотникъ до такихъ увертокъ, особенно, бывало, когда тебя къ стѣнѣ припрутъ. Но пойми же ты, что не имѣетъ права сильный, здоровый, богатый человекъ заниматься только своимъ дѣломъ. Помимо своего, есть еще и дѣло общее, и избѣгать этого дѣла—никто не имѣетъ права. Помогни слабому, помогни неудачливому!

— Это что же? По-твоему, я долженъ о всякихъ лѣтяхъ да тунеядцахъ заботиться?—почти грубо переспросилъ Воротниковъ.

— Костя! Это ты не свои слова говоришь!—остановилъ его Топольевъ.—Это слова твоей маменьки.

— Ну, такъ что-жь, что маменьки! Маменька мнѣ мать, и къ ея словамъ я не имѣю права не прислушиваться.

— Костя! Костя! Зачѣмъ ты со мной хитришь? Этого совѣмъ, братъ, не надо! Повторяю тебѣ, не со вчерашняго дня мы знакомы! Знаю я и сердце твое, и душу, и знаю я, что часто-часто ты тяготишься тѣмъ, что сейчасъ отстаиваешь! Знаю я, какіе черви у тебя внутри вьются и твоей совѣсти покою не даютъ...

— Такъ оставь хоть ты мою совѣсть въ покоѣ,—уже совѣмъ грубо оборвалъ Воротниковъ.

Лидія Александровна даже испугалась. Ей показалось, что друзья сейчасъ совѣмъ разсоятся. Ей хотѣлось перевести разговоръ на какую-нибудь другую тему, но—увы!—никакая другая тема ей въ голову не приходила.

УТРО

Волны свѣтлыя къ берегу тихо идутъ,
 Волны берегу добря вѣсти несутъ:
 — «Здравствуй, берегъ! Привѣтъ вамъ, утесы
 скалистые!
 Скоро кончится ночь!.. Скоро въ небѣ блес-
 нутъ
 Солнца свѣтлаго взоры лучистые,
 И туманы разсѣются мгlistые!

Мы изъ свѣтлаго края ту вѣсть при-
 несли,
 Гдѣ рождается утро за гранью земли,
 За холодной и темной ея половиною»...
 Вотъ, и утро идетъ, и свѣтлѣетъ вдали,
 И горитъ надъ морскою пучиною,
 Надъ пустынного моря равниною...

Утро свѣтлое къ родинѣ нашей идетъ,
 Вѣсть объ утрѣ сіяющемъ сердцу несетъ
 И надеждъ, и обѣтовъ волна перекатная...
 Скоро зорька блеснетъ! Скоро солнце взой-
 деть!
 Сгинь-же, темная ночь необъятная,
 Здравствуй, утра краса благодатная!..

Б. Никонъ.

„Въ госпиталь“.

сохшіе тростники у готовой скоро застынуть рѣчки.

Отрывки молитвъ приходили ему въ голову такъ же смутными клочками, но всего чаще и всего яснѣе вспоминалась молитва передъ ученіемъ, которую онъ нерѣдко мальчикомъ читывалъ въ земской школѣ, передъ началомъ урока, вслухъ и которую потому знать тверже другихъ молитвъ.

Все это вспыкивало въ немъ, то съ мучительной остротой, то внезапно мертвенно тускнѣло. Но вдругъ одно воспоминанье ярко зажглось въ его душѣ и, точно ослабивъ звѣрскія усилія замучить его до смерти, — усилія его ранъ, его жажды, его голода, — повѣяло чѣмъ-то властнымъ и отграднымъ на все его чахнувшее существо.

Незадолго до отравленія ихъ отряда въ ночной поискъ японцевъ, командиръ ихъ роты, только что бывшій у полкового командира, сказалъ имъ:

— Ребята, сегодня изъ штаба корпуса по телефону сказали нашему.

полковнику, что отъ Стессели изъ Портъ-Артура, главнокомандующимъ получена телеграмма, что они еще геройски отбиваются отъ японцевъ, геройски одиннадцатый мѣсяць выносить и осаду, и штурмы и надѣются выдержать, сколько бы они еще не продлились. Помните, что каждый изъ насъ здѣсь, у Мукдена, своей доблестной вѣрной службой готовить имъ спасеніе. Поможетъ намъ Богъ одолѣть здѣсь японцевъ, мы пойдемъ къ Портъ-Артуру, освободимъ нашихъ героевъ, и тогда Россія-побѣдительница покажетъ всю свою силу своимъ врагамъ.

И въ долгой, понятной солдатамъ, доступной рѣчи ротный командиръ описалъ все, что переживаютъ и какъ борются герои Портъ-Артура.

Когда онъ кончилъ солдатамъ свою рѣчь, на его густомъ полусѣдомъ усѣ заколебалась крупная слеза. Ротный командиръ былъ пожилой воика, уже дѣлавшій на Востокъ кампанію во время китайской войны и потомъ служившій незамѣтно въ глубинѣ Сибири въ своей скромной боевой должности. Онъ самъ на себя раз-

„Письмо къ матери“.

сердился за эту слезу и гнѣвно смахнулъ ее своей темной мозолистой рукой, на которой одиноко поблескивала полоска обручальнаго кольца. Но слеза не ускользнула отъ зоркаго вниманія солдата, и она-то, въ связи со словами ротнаго командира, ярко вспомнилась теперь Фодоту Силантьеву.

Онъ почувствовалъ, какъ рыданіе свободно вырвалось изъ его груди, и онъ прошепталъ:

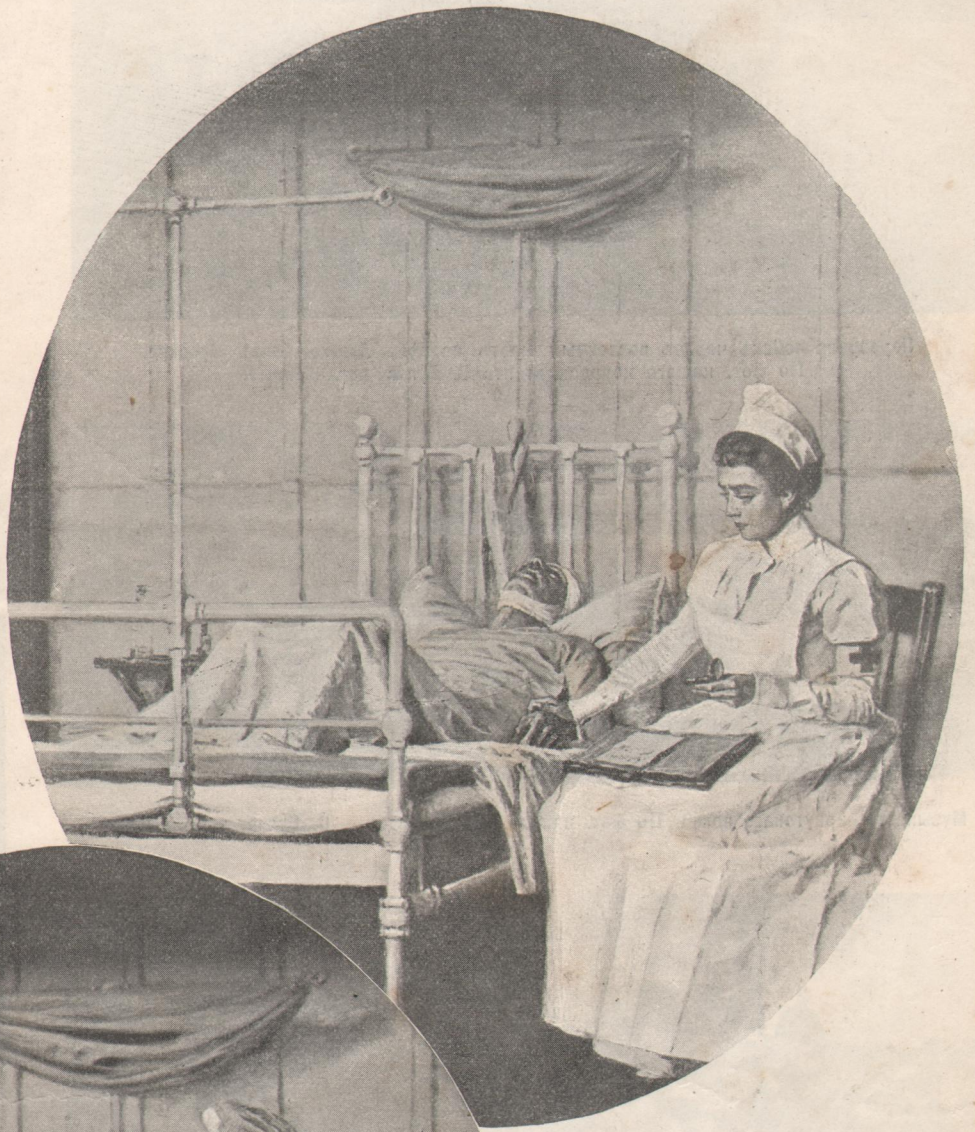
— Умирать, такъ умирать; ради нихъ не страшно и умереть.

Голова его закружилась, поплыла точно въ какомъ-то оградно объявшемъ его облакѣ, и онъ потерялъ сознание.

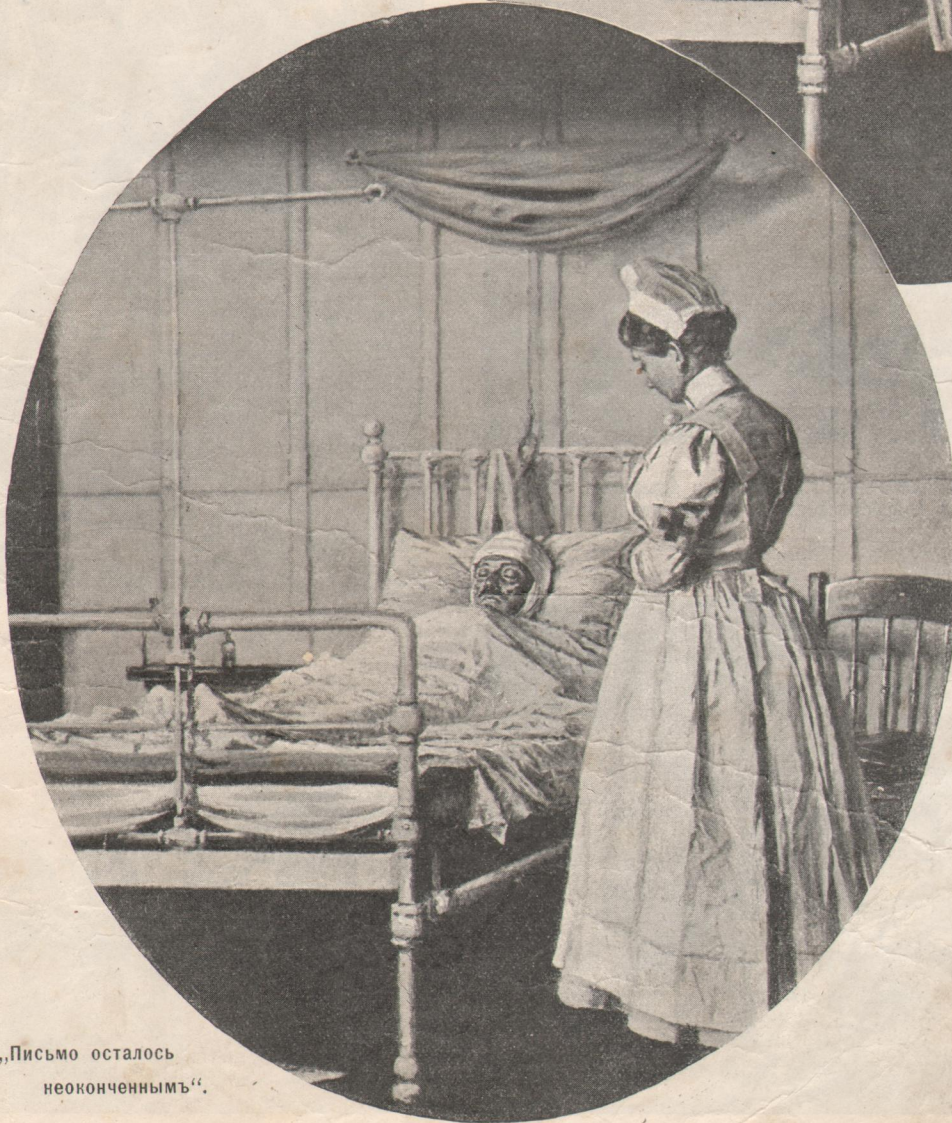
IV.

Фодотъ Силантьевъ раскрылъ глаза.

Чистыя, сѣроватыя полы низкаго военнаго шатра какъ-то успокоительно свѣшивались надъ нимъ. Половина его лица была плотно покрыта чѣмъ-то бѣлымъ и мягкимъ, изъ-подъ чего слегка распространялся пріятный теперь для него, какъ-будто дегтярный, но какъ-будто и иной, запахъ.

„Письмо прервано“.

„Письмо осталось неоконченным“.

Лѣвый закрытый глазъ былъ точно прижатъ ласковой рукой, не дававшей ему раскрыться. Но боли ни въ этомъ глазѣ, ни въ скулѣ подъ нимъ уже не было. Также и въ вытянутой, вдоль койки, правой ногѣ не было никакой боли, но когда Фодотъ попробовалъ ее пошевелить, то его поразила ея полная неподвижность, точно она у него окаменѣла.

Силантьевъ сразу какъ-то ощутилъ, что на немъ нѣтъ тяжелаго солдатскаго платья, а все его слабое, но теперь чуждое всякой болѣзненности тѣло облекаетъ грубоватая, но мягкая чистая рубаха, сквозь которую ему особенно пріятно ощущается бараний мѣхъ новаго, пахнущаго свѣжей кожей, тулунчика; на ногахъ же ласково лежитъ что-то теплое, заботливо ихъ окутывающее. Особенно запахъ свѣжей кожи тулунчика бодряще подбѣгивалъ на Фодота — вспомнилась деревня, зима въ ней, легкія дровни и поспѣвшій отъ изморози Гидко.

И Фодоту вдругъ захотѣлось потянуться всѣмъ тѣломъ. Когда онъ эт

Переправа войск через понтонный мост на рѣкѣ Ляо-хэ, близъ Мукдена.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Музыканты иркутскаго полка. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Землянка, въ которой живетъ румынскій военный агентъ г. Харланіе и адъютантъ генерала Зарубаева, Е. А. Нохно. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Группа офицеровъ 4-го корпуса во главѣ съ ген.-лейт. Зарубаевымъ и ген.-маіор. Огановичемъ.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Награжденіе гг. офицеровъ 4-го корпуса 2-й сиб. пѣх.
По фот. нашего корреспондента В. Бу

Китаецъ-переводчикъ г

Молебнй и парадъ по случаю раздачи офицерамъ георгіевскихъ орденовъ.
Отданіе чести георгіевскимъ кавалерамъ. По фот.

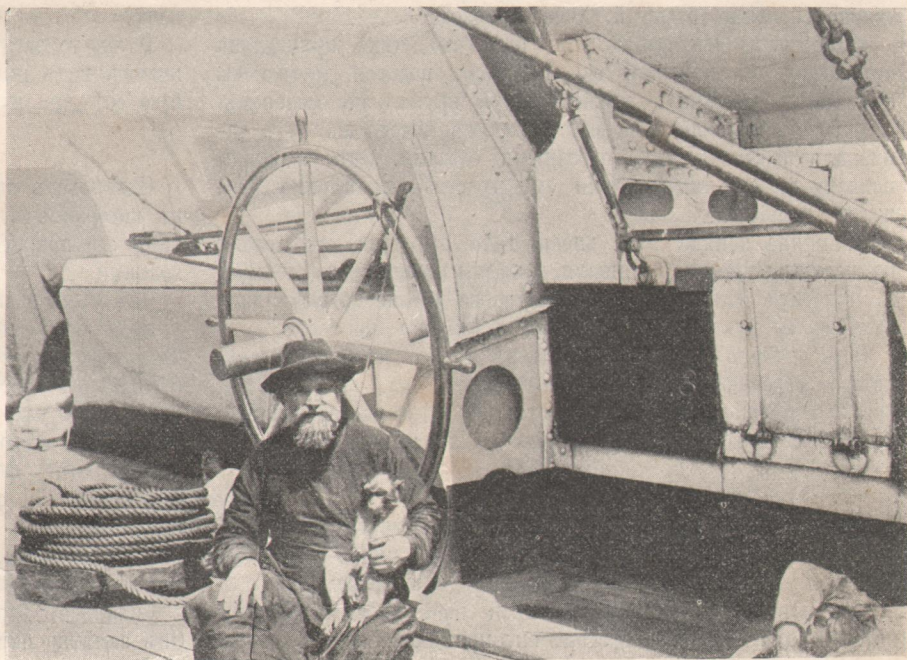
п.х. дивизии георгиевскими крестами.
В. Булла, авт. «Нивы».

Телинъ. Похороны товарища-офицера.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

ъ при войсковой части.

На Дальний Востокъ. Въ свободную минуту.
По фот., авт. «Нивы».

вскихъ крестовъ въ 4-мъ корпусѣ 2-й сиб. п.х. дивизии.
нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Обѣдъ въ 4-мъ корпусѣ въ честь офицеровъ—георгиевскихъ кавалеровъ.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Гдѣ-то онъ теперь? Картина Э. Оплера, грав. Манкастропа.

Героямъ

Портъ-Артура.

Стихотвореніе

Б. П. Никонова.

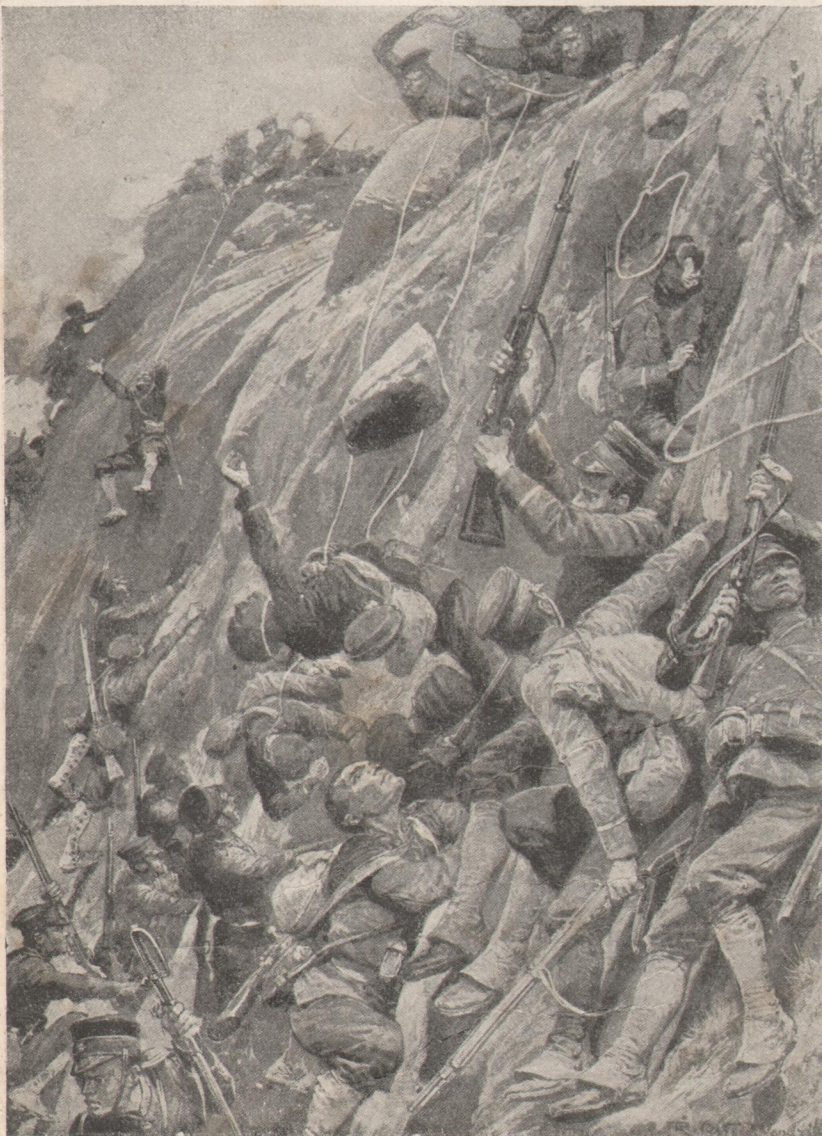
Твердыня рухнула!.. Послѣдній палъ оплотъ.
Изъ взорванныхъ фортовъ идете вы понуро...
Немного васъ спаслось!.. Вы всѣ наперечетъ.
Страдальцы—ратники, герои Портъ-Артура!

Вся кровью залита земля, гдѣ бились вы,
Семь тяжкихъ мѣсяцевъ не вѣдая покоя,
И въ битвахъ падали подъ смертною косою,
Какъ стебли стройные подкошенной травы...

Желѣзное кольцо сдвигалось все тѣснѣе,
Все яростнѣй гремѣлъ надъ вами вражій громъ,
Болѣзни, немощи и голодь съ каждымъ днемъ
Страдальцевъ—воиновъ терзали все больнѣе...

Герой и гордость наша, генераль-маіоръ Р. И. Кондратенко, убитый въ Портъ-Артуръ, на форту „Второмъ“, 2-го декабря пр. г.

Гнѣздо орлиное!.. Семья богатырей!
Мы твердо вѣримъ вамъ: васъ не враги сразили!
Ихъ злыя полчища давно вы побѣдили
И твердой волею и стойкостью своей!

Всегда о вашъ оплотъ ихъ разбивались груди,
Пока владѣли вы запасомъ боевымъ...
Но вотъ запасовъ нѣтъ—и строй вашъ уязвимъ.
Богатыри вы всѣ... Но вы вѣдь все-же люди!

Для опустѣвшихъ рукъ ужъ не равна борьба!
И падаютъ на васъ взрываемыя скалы...
Довольно, ратники!.. И безъ того судьба
Вѣнцами свѣтлыми даритъ вашъ сонмъ усталый!

Что вами сдѣлано—не совершить другимъ!
И сонмомъ вашимъ мы гордимся знаменитымъ,
И славу вѣчную мы воздаемъ живымъ,
И память вѣчную—убитымъ!

Послѣдніе дни. Отраженіе японской атаки на высотахъ портъ-артурскихъ фортовъ.
Рис. Р. Вудвиля, арт. «Нивы».

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Эрдагоу.

Эрдагоу. На высокой сопкѣ находится наблюдательный пунктъ, откуда разстилается открытый видъ на окрестности.

Съ офицеромъ генеральнаго штаба Н* и четырьмя конвойными, мы въ 8 часовъ утра сѣли на лошадей въ селеніи Го-цзя-дзы и поскакали на югъ по дорогѣ, гладкой, какъ паркетъ — работа нашихъ саперовъ. Въ верстѣ отъ деревни и влѣво отъ дороги находится штабъ-квартира главкомандующаго. Отсюда во всѣ стороны тянутся на шестахъ провода полевого телеграфа. По дорогѣ непрерывное движеніе. Тянутся обозы разныхъ частей, тяжелыя арбы транспортовъ, скачутъ ординарцы. Мы обгоняемъ нестройную колонну солдатъ, одѣтыхъ, — кто въ полушубкѣ, кто въ шинели; мѣшки — не форменные, обувь самая разнообразная. Въ общемъ люди имѣютъ видъ поношенный и усталый. У нѣкоторыхъ головы подъ лапахами и старыми фуражками повязаны платками, многие хромаютъ. Это выздоровѣвшіе отъ ранъ и возвращающіеся обратно въ боевыя части.

Черезъ часъ или около того, переѣзжаемъ перевалъ и приближаемся къ сопкѣ Хуанъ-шанъ, на вершинѣ которой, какъ орлиное гнѣздо, ютится кумирня. У подошвы горы деревня. У воротъ крайней фанзы плещется при слабомъ вѣтрѣ флагъ Краснаго Креста. Моему спутнику для кой-какихъ справокъ нужно зайти сюда. Слѣзаемъ съ коней и входимъ во дворъ. Здѣсь о гостяхъ не докладываютъ, и мы прямо входимъ въ просторную фанзу, гдѣ за

большимъ столомъ доктора пьютъ чай и закусываютъ. Тутъ и никелированный самоваръ, и даже висячая съ толка керосиновая лампа. Однако, несмотря на такой комфортъ, хозяева выслушиваютъ отъ насъ новости, какъ обитатели необитаемаго острова. До нихъ вѣсти или совсѣмъ не доходятъ или доходятъ очень поздно. По русскому обычаю отъ хлѣбосольтства не принято отказываться, и мы не нарушили этого обычая. Между присутствующими находился В. В. Лядовъ, завѣдующій санитарнымъ отрядомъ Императрицы Александры Феодоровны, при которомъ имѣются военно-санитарныя собаки. Отвѣчая нашему любопытству, В. В. Лядовъ приказалъ привести собакъ.

Это очень умныя по виду собаки изъ породы овчарокъ. Онѣ прекрасно дрессированы и служатъ для отысканія раненыхъ и преимущественно ночью, когда ходитъ съ фонарями вблизи непріятеля не представляется возможнымъ.

Каждая собачка снабжена попоной съ изображеніемъ Краснаго Креста. Подъ попоной находятся пакеты перевязочныхъ средствъ, флаконъ съ водой и флаконъ съ коньякомъ.

Найдя раненаго, она даетъ ему возможность утолить жажду и воспользоваться перевязочными средствами, и если онъ можетъ идти, то она выведетъ его къ своимъ, если же онъ идти не въ силахъ, то она бѣжитъ къ санитару и приводитъ его къ раненому.

Единственный недостатокъ этихъ собачекъ, что онѣ иностранки и понимаютъ только по-нѣмецки.

Вершина Эрдагоу. Наблюдательный пунктъ. По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

На „Сопкѣ съ деревомъ“. Ориг. рис. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Военно-санитарные собаки. Заведующий отрядом Императрицы Александры Феодоровны В. В. Ладовъ—въ бѣломъ полушубкѣ.
По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Трехъ собачекъ вывели на дворъ, и я сдѣлалъ съ нихъ фотографическій снимокъ.

Пора было ѣхать дальше. Мы сѣли на коней и поѣхали рысью по направленію къ сопкѣ Эрдагоу, для сокращенія пути прямо по оголеннымъ полямъ.

Представлявшаяся издали конусообразной массой сопка, чѣмъ ближе мы къ ней подъѣзжали, показывала свои детали въ видѣ отроговъ, отдѣльных холмовъ и лощинъ.

Когда начался подъемъ, мы, чтобы не утомлять лошадей, оставили конвойныхъ въ лощинѣ, гдѣ солдаты артиллерійскаго парка разогрѣвали на кострѣ котелки, и стали взбираться по пологому отрогу. Съ высоты стала видна среди горной массы широкая долина, изрѣзанная, какъ морщинами, слѣдами горныхъ потоковъ.

Лучшее время въ Манчжуріи осень—сухая, прохладная и ясная, и хорошо въ эту пору дышится на сопкахъ. Когда мы подходили къ гребню, обращенному фронтомъ къ юго-западу, то на сѣромъ склонѣ стали видны фигурки солдатъ. Тамъ же, какъ норы, тем-

Эрдагоу.

По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

нѣли входы въ землянки, вырытыя въ горѣ.

Заворачивая влѣво и огибая долину, гребень съ восточной стороны оканчивался острой вершинкой, гдѣ видѣлся сигнальный шестъ. Это и былъ наблюдательный пунктъ, куда мы стремились. Но пройти туда, спустившись долиной, было сомнительно—могли встрѣтиться на пути ложбины, трудно проходимыя. Мы рѣшили пройти гребнемъ.

По отлогому скату мимо землянокъ прохаживался офицеръ. Увидя насъ, онъ подошелъ, и мы познакомились. Онъ оказался командиромъ роты иркутскаго полка штабсъ-капитаномъ С*.

— Эту сопку можно считать центромъ позицій,—разсказывалъ онъ.—Войдя вонъ на ту вершину, можно видѣть всю мѣстность, верстъ на двадцать кругомъ.

— А гдѣ японцы?—полюбопытствовалъ я.

— За горой. Если хотите, мы можемъ перейти гребень.

«Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ», — подумалъ я и на его предложеніе постарался выразить живѣйшее удовольствіе.

Во время нашего разговора солдатики окружили насъ и тоже полѣзли-было за нами на гребень.

— Не показываться!—остановилъ ихъ офицеръ.—Куда лѣзете! Сказано:—не выходить на гребень.

Я захотѣлъ снять группу этихъ Ванюхъ и Петрухъ, которые судьбою заброшены за десять тысячъ верстъ отъ родины на какую-то сопку Эрдагоу, понарыли себѣ землянокъ, гдѣ хоть и тѣсно, но тепло, уютно и Русью пахнетъ, и живутъ себѣ здѣсь, какъ дома, и несутъ свою тяжелую службу безпечно и покорно.

— Тогда пожалуйста поближе къ образу,—попросилъ офицеръ.

Около офицерской землянки вбить въ землю простой шестъ, и на немъ привѣшенъ образъ. Тутъ и расположилась группа.

Когда снимокъ былъ сдѣланъ, мы пошли наверхъ. Передъ нами были позиціи японцевъ. Отъ главной сопки выдвигался впередъ еще одинъ отрогъ, на краю котораго возвышалась башня Эрдагоу. Эту башню японцы постоянно обстрѣливаютъ, но теперь было тихо.

По склону нашей горы видимые намъ, но невидимые японцамъ тянулись окопы. Они были пусты—люди ихъ занимаютъ только на время боя, теперь же тамъ изрѣдка видѣлись головы наблю-

На Эрдагоу. Землянка.

По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

дающихъ. Сторожевая служба въ окопахъ ведется непрерывно, и въ случаѣ непріятельской атаки, черезъ крытые ходы—рвы, окопы могутъ быть по тревогѣ наполнены людьми въ нѣсколько минутъ.

Наблюдая такимъ образомъ, мы безпечно прогуливались по склону гребня, ярко освѣщенные солнцемъ. Это японцамъ не понравилось. По молчаливой долині раскатился далекій выстрѣлъ, почти одновременно треснулъ разрывъ снаряда, и черное облако, закрутившись у подошвы горы, поползло, гонимое южнымъ вѣтромъ, въ нашу сторону.

Весьма неприятно послѣ перваго выстрѣла ждать второго, тѣмъ болѣе, что второй бываетъ всегда вѣрнѣе направленъ. Намъ пришлось ждать не болѣе полминуты. Второй снарядъ упалъ нѣсколько ближе, но въ сторону.

— Дураки, не умѣютъ стрѣлять,—сердито произнесъ мой спутникъ, офицеръ генеральнаго штаба.

Я же со своей стороны нисколько не обвинялъ за это японцевъ и желалъ, чтобы третьимъ выстрѣломъ, ожиданіе котораго еще болѣе неприятно, чѣмъ ожиданіе второго, они показали бы какъ можно меньше умѣнья. Я

Эрдагоу. По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

